

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Франсуа-Жозеф Лефевр

М.К. ЧИНЯКОВ

Имя почетного маршала Первой империи и герцога Данцигского Франсуа-Жозефа Лефевра, участника Отечественной войны 1812 г. малоизвестно российским читателям. Несмотря на возраст, он стяжал громкую славу. Причем не из-за глубоких познаний в военном деле, либо громких выигранных сражений, а благодаря великодушию, храбости и мужеству, а также супруге по прозвищу «мадам бесцеремонность». Тем не менее о жизни Лефевра, его характере, участии в боевых действиях и потомстве известно немного, даже в Франции, где была издана, да и то сто лет назад, одна-единственная биография¹.

В ходе изучения родословной маршала империи французский исследователь Ж. Валинель доподлинно выявил четыре поколения. Родословная герцога Данцигского начинается с некоего Шарля Фёвра (Feuvre), буржуа, жившего в г. Бельфор (prov. Франш-Конте) в конце XVI — начале XVII века. Его сын Жозеф, крещенный местным кюре на французский лад, приобрел фамилию Лефёвр (Lefeuve) (?—1688); возможно, Жозеф служил в армии. Дед будущего маршала, Пьер-Фабер Лефевр (Lefebvre) работал цирюльником (?—1754). Он родился в Седане, впоследствии переехал в небольшое селение на 4 тыс. человек в провинции Эльзас (совр. департамент Верхний Рейн) Руффах, где и скончался.

В Руффахе родился отец маршала, сын Пьера-Фабера, Франсуа-Жозеф Лефевр (Lefèvre) (1725—1765), служивший во французском гусарском полку, где приобрел нашивки унтер-офицера. Возможно, он участвовал в войне за Австрийское наследство (1740—1748). По мнению биографа герцога Данцигского Ж. Вирта, Лефевр-старший был не мельником или трактирщиком, как гласила традиция, а исполнял должность «главного хранителя ворот» Руффаха, функции которого соответствовали приблизительно функциям полицейского. По мнению французского исследователя Л. Шарлини, наоборот, Лефевр-старший имел профессию более прибыльную, позволявшую содержать семью, скорее всего, действительно был мельником. Одним словом, Лефевры принадлежали к мелкой буржуазии.

Чиняков Максим Константинович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного педагогического университета.

В 1751 г. Франсуа-Жозеф женился на Марии-Анне Рис (Riss) (1732—1807). В этом браке появилось на свет 5 детей: 4 сына и дочь. Вторым в семье, после Мартена (1753—1793), 25 октября 1755 г. родился будущий герцог Данцигский, которого назвали в честь отца, Франсуа-Жозефом. Таким образом, будущий маршал стал 6-м по возрасту среди 26 маршалов. После него в семье родились братья-близнецы Антуан (1762—1793) и Денис (1762—1817) и их сестра Мария-Анна (?—1807). Мартен и Антуан погибли в 90-е гг. XVIII в., в «войнах за свободу», не оставив потомства. Денис воевал вместе с братом Франсуа-Жозефом. В бою при Аллештайне (4 февраля 1807 г.) капитан Денис Лефевр получил тяжелое огнестрельное ранение и в чине батальонного командира был отправлен в отставку. Поскольку Денис жил бедно, Франсуа-Жозеф взял его к себе в замок Комбо в Понто-Комбо (20 км Ю.-В. Парижа) (совр. деп. Сена-и-Марна), где Денис провел остаток жизни и умер; его потомки затерялись. Мария-Анна вышла замуж за некоего крестьянина Матиаса Глазэ из селения Гемар (деп. Верхний Рейн), 25 км севернее Руффаха.

В 1766 г., после смерти мужа, мать будущего маршала Мария-Анна вышла замуж за некоего Антуана Глайс (1738—1811), весьма предприимчивого мужчину, успевшему к тому времени послужить в армии, стать владельцем трактира и зарабатывать деньги на транспортировке грузов. От этого брака у будущего маршала появились две сведных сестры и один сводный брат: Катрина Глайс (1769—1844), вышедшая замуж за виноградаря Себастьяна Кеттерле; Мария Глайс (1775—?), вышедшая замуж за капитана драгун Себастьяна Боэ, и уехавшие на Сан-Доминго, где и скончались, скорее всего, без потомства; и капитан пехоты Антуан Глайс (1775—1841), женившегося, но умершего в Руффахе без детей³. Таким образом, в Эльзасе ныне должны существовать потомки маршала по женской линии от сестер маршала.

После смерти Лефевра-старшего в 1765 г. 8-летнего Франсуа-Жозефа и 3-летнего Дениса взял на воспитание к себе в Гемар его дядя-кюре, брат отца Жан-Кристофф-Филипп Лефевр (1731—1807), уготовивший обоим карьеру священника. В Гемаре Франсуа-Жозеф провел около десятка лет, обучаясь вместе с несколькими сверстниками. Несмотря на старания дяди, племянник получил среднее образование, хотя приобрел большие познания в немецком языке, на котором будет до конца жизни всегда говорить намного лучше, чем на французском, и поэтому Наполеон часто отдавал под его командование воинские контингенты из германских земель. Кроме религиозных книг и некоторых образцов классической литературы Лефевр почти ничем не интересовался. Хотя в 1807 г. Наполеон говорил о «глупостях» маршала в рапортах, речь шла, скорее всего, не столько об отсутствии правильной орфографии, а об отсутствии умения правильного излагать мысли и из-за отсутствия военного образования. Так, 12 апреля 1807 г. Наполеон критиковал Лефевра за излишнюю лаконичность его рапортов⁴. В ошибках Лефевра не следует видеть нечто ущемлявшее имидж герцога Данцигского: дядя-кюре хотел вырастить из Лефевра обычного сельского викария. Зато под руководством Жан-Кристофа-Филиппа подросток впитал идеи добродорядочности и неподкупности, которым маршал будет следовать всю жизнь.

Поскольку религиозная карьера не вдохновляла Франсуа-Жозефа, он решил поступить на воинскую службу. Причины любви к военному ремеслу следует искать в сыновней любви: маленький Франсуа-Жозеф должен был восхищаться рассказами отца-гусара. В 1772 г., в 17 с половиной лет, Франсуа-Жозеф, которого Жан-Кристофф-Филипп намеревался вскорости отпра-

вить в Страсбургскую семинарию, попросил разрешения у дяди завербовать-
ся в армию, но получил отказ. Поскольку дом священника находился на
окраине Гемара, Франсуа-Жозеф той же ночью убежал из дома через сад. По
прибытии в г. Нёф-Бризах подросток решил завербоваться в расквартиро-
ванный в Париже полк Французской гвардии, входивший в состав Королев-

Увидев решимость племянника, Жан-Кристоф-Филипп не стал препятствовать его выбору и, благословив Франсуа-Жозефа, отправил его в Париж. Несмотря на возраст, поскольку подростку еще не исполнилось 18 лет, но принимая во внимание его прекрасные физические данные, 10 сентября 1773 г. (правление Людовика XV), Франсуа-Жозеф Лефевр поступил на службу в одну из самых престижных частей Королевской гвардии полк Французской гвардии (Gardes-Françaises). Служба в полку считалась почетной, и хотя туда принимали выходцев из простонародья, но только проверенных «добрых подданных». С 1745 г. полком командовал генерал Л.-А. де Гонто-Бирон (1701–1788), с 1757 г. маршал Франции. В полку Лефевр познакомился с будущими известными наполеоновскими генералами: с П.-О. Юленом и Л. Фрианом, завербовавшихся соответственно в мае 1773 г. и феврале 1781 г.; с октябрь 1784 г. в состав полка вошел будущий полководец Л.-Л. Гош, у которого Лефевр станет инструктором. Раньше Лефевра на военную службу среди 26 наполеоновских маршалов поступили только трое человек: Ф.-К. Келлерман (с 1752 г.), Л.-А. Бертье (с 1766 г.) и Б.-А. Жанно де Монсей (с 1769 г.), среди которых Келлерман был самым старшим (с 1735 г.).

Вероятно, военная служба понравилась Лефевру. Ровно через четыре года, 10 сентября 1777 г., он получил нашивки капрала, через пять лет, 28 июня 1782 г. — сержанта. Назначения Лефевра ярко свидетельствовали о его успешной военной карьере, так как добиться чина сержанта в полку Французской гвардии было непросто. Считается, что назначение Лефевра в сержанты произошло накануне смотра полку графом Северным, будущим Павлом I, супругой Марии Федоровной. Через четыре года, 2 июня 1786 г. Лефевр стал сержантом гренадер; 9 апреля 1788 г. назначен Гонто-Бироном первым сержантом. Уже тогда Лефевр пользовался большим авторитетом в полку сержантами. Уже тогда Лефевр пользовался большим авторитетом в полку сержантами. Уже тогда Лефевр пользовался большим авторитетом в полку сержантами.

1 марта 1783 г. 28-летний Лефевр совершил крутые перемены в своей жизни: женился на 30-летней неграмотной прачке Екатерине Хубшер (Хюбшер, Юбше) (Hubscher) (1753–1835), с парижской улицы Пуассоньер, родом из деревушки Нойхаузен провинции Эльзас, поставившей на свидетельстве о браке крестик. Однако под руководством супруга через два года она уже умела сносно писать на французском и немецком языках, хотя до конца жизни говорила по-французски с большими ошибками: «Я сама причесывается», — можно было услышать от нее⁵.

можно было услышать от нее.

Для мадемуазель Хубшер Франсуа-Жозеф должен был выглядеть хорошим выбором, так как сержант Французской гвардии являлся привлекательной партией для женщины ее положения. Отношения супругов отличались взаимопониманием, причина которого лежала не только в чувствах, но и в совершенстве их социального положения. Домашнее хозяйство у Екатерины устраивало обоих супругов.

идало обоих супругов.

Маршальша навсегда осталась в глазах потомства «мадам бесцеремонность», «мадам Сан-Жен» («Madame Sans-Gêne» или «Madame Sans Gêne»).

Без сомнений, прозвище ей очень шло, но оно не было выдумано специаль-
но для нее. За это прозвище, как известно, она должна была «благодарить»
драматургов В. Сарду и Э. Моро, написавших в 1893 г. пьесу «Мадам Бесце-
ремонность», где мадам Лефевр стала главной героиней. В действительности
настоящей «мадам бесцеремонностью» являлась знаменитая французская
женщина-драгун М.-Т. Фигёр (1774—1861), получившая данное прозвище от
Наполеона. Мадам Лефевр была доброжелательной со слугами, всегда помо-
гла, если кто-то заболевал. Впрочем, маршальша не считала зазорным лич-
но обыскать подозреваемого в краже слугу. Внук садовника герцогини вспо-
минал: «Она была суровой, но не бездушной женщиной»⁶.

Чета Лефевров была прекрасной парой, и их брак можно было бы назвать одним из самых счастливых среди наполеоновского генералитета, если бы не трагедия с их детьми. Из 14 детей, 12 сыновей и 2 девочек, — рекорд среди наполеоновских маршалов! — дольше всего прожили только два ребенка: бригадный генерал Мари-Ксавье-Жозеф Лефевр (1785—1812) и Жозеф-Лефевр (1802—1817), по прозвищу «Коко» («Дитяtko», «Птенчик»). Остальные дети умерли в младенчестве, и имена их истории почти неизвестны.

Мари-Ксавье-Жозеф Лефевр пошел по стопам отца, стал военным, но не наследовал человеческие добродетели отца, получив известность как картежник и распутник. Заботливый отец, много сделавший для продвижения сына по службе, Лефевр однажды с беспокойством заметил: «Я боюсь, что он плохо закончит свои дни». 20 июля 1811 г. маршал написал генералу Юлен:

Вместе с отцом в 1812 г. бригадный генерал (с 1810 г.) граф Данцигский Лефевр в составе 3-го армейского корпуса маршала М. Нея отправился в Россию, получил ранение при отступлении и обморозил ноги. Маршал оставил сына в Вильно на попечительство следовавшей за армией из Москвы одной французской комедиантки, Луизы Фюзийль (Флёри), добровольно предложившей отцу ухаживать за его сыном в знак благодарности за ее спасение от трудностей отступления из Москвы. Граф Данцигский, будучи прикован к постели, стал пленником русских, которые с ним хорошо обращались. Тем не менее ранения и болезнь оказались серьезными, и в 3 часа утра 15 декабря 1812 г. 26-летний граф Данцигский Лефевр умер на руках у Луизы⁸. Несколько лет назад на городском кладбище в Вильнюсе еще находилась могила Лефевра-младшего. На возведенной родителями надгробной плите в форме квадрата из матового белого мрамора была высечена эпитафия: «Здесь покоится прах графа Данцигского, бригадного генерала Жозефа Лефевра, кавалера офицерского креста ордена Почетного легиона, шевалье Королевского ордена Саксонского, Баденского и др., скончавшегося в Вильно 15 декабря 1812 г., в возрасте 27 лет»; ниже располагались стихи.

Второй оставшийся в живых сын Лефевра оказался со слабым здоровьем и умер подростком. Таким образом, титул герцога Данцигского угас вместе со смертью маршала. После смерти маршала герцогиня Данцигская приютила оставшуюся без средств к существованию племянницу маршала, без оформления соответствовавших документов, Элен Глазэ (1798–1837), дочь Марии-Анны Лефевр, сестры герцога Данцигского от первого брака их матери, вышедшей замуж за Матиаса Глазэ, которую воспитала и довольно удачно выдала замуж в 1818 г. за генерала барона К. де Крайцера (1772–1832)⁹.

Великая французская буржуазная революция 1789 г. застала Лефевра в эпицентре событий — Париже. Несмотря на любовь к порядку и на неприятие

тие анархии, Лефевр принял революцию, поскольку она предоставила ему, как и многим другим простым людям, возможность подняться с самых низких ступеней общества.

Принято считать, что во взятии Бастилии ни Лефевр, ни его друг Гош не участвовали, так как оба несли дежурство. Когда разъяренная толпа 12 июля попыталась было напасть на офицеров полка, спрятавшихся в полковой казарме, Лефевр встал на их защиту, твердо заявив бунтовщикам: «Напасть на наших офицеров, все равно что напасть на Французскую гвардию. Пока мы живы, вы пальцем до них не прикоснетесь». Однако стычки, судя по всему, избежать не удалось, ибо Лефевр в тот день получил контузию. Позднее, 14 сентября 1789 г., по постановлению мэра Парижа и знаменитого астронома Ж.-С. Байи, он был удостоен возможно, своей первой награды: золотой памятной медали: «В признательность его заслуг на алтарь общественного блага и как свидетельство его храбрости и патриотизма»¹⁰.

По ордонансу 31 августа 1789 г. Людовик XVI расформировал полк Французской гвардии, одновременно разрешив использовать рядовой и унтер-офицерский состав в ротах гренадер батальонов Парижской национальной гвардии. Образование Национальной гвардии как некоего оплота стабильности и дисциплинированности привлекло внимание Лефевра, поборника порядка и справедливости. С половиной своей роты уже бывшего полка Французской гвардии Лефевр вошел в состав батальона «Дочери Св. Фомы» из одноименной секции Парижа. Половина этого батальона служила в Версале, где начальником штаба местной национальной гвардии являлся подполковник Бертье, будущий бессменный начальник штаба Наполеона. 1 сентября 1789 г. Лефевр стал лейтенантом, затем лейтенантом-инструктором.

В 1789—1791 гг. внутренне политические события во Франции продолжали ухудшаться, особенно для членов королевской семьи. Дворяне, опасаясь за собственную жизнь, бежали из страны. В феврале 1791 г. тетки Людовика XVI — мадам Аделаида (1732—1800) и мадам Виктуар (1733—1799) решили эмигрировать из Франции. Учредительное собрание, признав венценосных родственниц «безвредными», не возражало. Однако среди парижан быстро распространились слухи о том, что «аристократки» увозят с собой «огромное количество мешков с золотом». В день отъезда мадам Аделаиды и мадам Виктуар, 19 февраля, возбужденная толпа преградила путь небольшому отряду во главе с подполковником Бертье и лейтенантом Лефевром, охранявшим женщин. Несмотря на мужество Бертье и Лефевра, пытавшихся отправить венценосных дам из Парижа, им ничего не удалось сделать; Лефевр даже получил ранения.

После официального разрешения мадам Аделаида и мадам Виктуар решили в ночь на 21 февраля тайно оставить Париж, направляясь за границу. На этот раз дамам повезло, но разъяренная толпа набросилась на их багаж, по-прежнему полагая, что «аристократки» пытались вывезти золото. Вместе с Бертье, с отрядом Версальской национальной гвардии, едва пришедший в себя Лефевр встали на пути толпы; тем не менее багаж удалось отправить только 24-го. С апреля 1791 г. Бертье стал полковником, Лефевр остался в прежнем чине. Бертье не забыл о Лефевре, спасшим ему жизнь, и остался навсегда одним из его друзей. Среди друзей Лефевра можно отметить маршалов Л.-Г. Сюше, А.-Э.-К.-Ж. Мортье, Н.-Ш. Удино, среди генералов — Гоша, Журдана, Ф.-С. Марсо-Дегравье, Ж.-Б. Клебера. В 1818 г. Лефевр частично субсидировал расходы на возведение памятника Клеберу в Страсбурге.

18 апреля 1791 г. Людовик собрался переехать из Тюильри в Сен-Клу. Тут же собралась враждебно настроенная толпа и, полагая, что король бросает страну, окружили карету, перегородив дорогу. Охранявшие короля рояли-

сты готовы были защищать его, но тот, опасаясь пролития крови, приказал не сопротивляться. Среди преданных королю дворян был Ж.-Ж. Ил де Нёвиль, пострадавший в стычке с толпой: «Пятеро или шестеро бродяг напали на меня. Я бы неминуемо пал бы их жертвой, если бы не своевременное вмешательство лейтенанта Национальной гвардии, с обнаженной шпагой бросившегося ко мне на помощь и разогнавшего их»¹¹. Этим лейтенантом был 35-летний Лефевр, получивший, защищая короля, очередное ранение.

25 июня 1791 г., во время неудачного бегства из Франции во время Варенского кризиса, возвращения из Варенна, Лефевр снова помог Людовику. Когда под Парижем на карету с королем напала разъяренная толпа, лейтенант Лефевр с ротой гренадер прибыл на выручку Людовику¹². Настроения толпы оказались до того агрессивными, что Лефевру пришлось эскортировать короля до дворца Тюильри.

Придя к власти после Стадней Людовик XVIII, желая наказать переметнувшихся на сторону Бонапарта персон, забыл об услугах маршала его брату в 1791 г., лишив герцога Данцигского пенсии в 40 тыс. франков, положенную ему как маршалу, оставив его практически без средств на жизнь. Но подвиг Лефевра в 1791 г. вспомнили другие. 10 февраля 1817 г. специальная делегация от Национальной гвардии попросила своего командира, маршала Удино, наградить Лефевра за его двойной вклад в дело спасения жизни Людовика XVI в 1791 г., когда лейтенант батальона «Дочери Св. Фомы» Лефевр «смог предоставить доказательства преданности королю и его августейшему семейству», специальной наградой, введенной Людовиком XVIII 5 февраля 1816 г. для 600 национальных гвардейцев, доказавших преданность Бурбону во время Стадней, под названием «Награда Верности» (*Décoration de la Fidélité*). Через пять дней после просьбы, с согласия графа д'Артуа (будущего короля Франции Карла X), 15 февраля 1817 г. Удино вручил Лефевру «Награду Верности». Менее чем через месяц, 11 марта, Лефевру официально объявили о восстановлении его маринальской пенсии.

Пример Лефевра, как и других будущих наполеоновских маршалов, получивших унтер-офицерские нашивки до Революции, более чем поучителен. Наличие профессиональных унтер-офицерских кадров оказалось большое влияние на формирование и обучение солдат новой армии. Именно унтер-офицеры, получившие профессиональные знания при Старом режиме, не дали революционным армиям превратиться на поле боя в бесполковую армейскую массу. Франция нуждалась в обученных войсках. В конце 90-х гг. XVIII в. страна оказалась в окружении враждебных монархий, стремившихся уничтожить «рассадник революционных идей».

Декретом 10 сентября 1792 г. Париж отправил в армию батальоны Национальной гвардии. 1 января 1792 г. Лефевр стал капитаном 13-го батальона легкой пехоты, входившем в состав Мозельской армии во главе с Келлерманом, будущим наполеоновским маршалом. Для 36-летнего Лефевра началась настоящая военная карьера.

Когда Мозельская армия двинулась в Шампань навстречу союзникам под командованием герцога Брауншвейгского, часть ее войск, где находился и 13-й батальон легкой пехоты, была отправлена для обороны реки Мозель. В частности, Лефевр принял участие в осаде Тионвилля (август—сентябрь 1792 г.), осажденному австрийцами. Во время осады капитан Лефевр принимал активное участие в многочисленных вылазках. После снятия осады союзниками Лефевр отличился в боях при Арлоне (17—18 апреля 1793 г.), за что и получил 3 сентября 1793 г. чин батальонного командира.

С конца 1793 г. ситуация для Франции стала критической, казалось, Революция проигрывала: Майнц и берега Рейна утеряны, Эльзас захвачен

союзниками, Лотарингия под угрозой вторжения. Мозельская армия во главе с бывшим одноюнчанином по Французской гвардии, уже дивизионным генералом Гошем, неудачно попыталась разгромить прусские войска герцога Брауншвейгского в сражении при Кайзерслаутерне (28—30 ноября). Среди прославившихся офицеров на поле боя стал 38-летний батальонный командир Лефевр, произведенный 2 декабря 1793 г. в чин бригадного генерала, минуя ранг бригадного командира (полковник), — обычная практика того периода: поскольку в армии не хватало генералов, их назначали не только из самых способных, но и из самых храбрых (точно также из батальонного команда «перескочили» в бригадные генералы Даву и Монсей).

В период командования Гошем Мозельской армией, 10 января 1794 г., Лефевр получил эполеты дивизионного командира — высшее воинское звание (21 февраля Конвент упразднил чин маршала Франции), когда смог отличиться при взятии замка Гейсберг. В наградном листе говорилось: «Лефевр выказал достойную храбрость и способствовал успехам кампании умелым исполнениями маневров»¹³.

После ареста якобинцами Гоша и объединения Мозельской и Арденской армий под командованием Журдана, будущего национального маршала, французы перешли в наступление и двинулись на Бельгию; 21 июня осадили Шарлеруа. Блокировав крепость, Журдан двинулся навстречу союзным войскам под командованием австрийского генерала Ф.И. Саксен-Кобург-Заальфельдского, пытавшись освободить гарнизон в Шарлеруа, но не имевшим сведений о согласии гарнизона капитулировать. 26 июня гарнизон, не зная об армии, спешившей на выручку, вступил в переговоры о капитуляции.

26 июня 1794 г. (8 мессидора 2-го года Республики), Журдан приготовился встретить врага у селения Флерюс (10 км С.-В. Шарлеруа), где и произошло одно из самых знаменитых сражений эпохи «войн за свободу». Журдан (70—80 тыс. чел.) занимал невыгодную позицию, будучи вынужденным растянуть свой фронт; дивизия Лефевра стояла в центре. Кобург-Заальфельдский, располагая меньшим количеством войск (50 тыс. чел.), допустил огромную ошибку: он также растянул фронт, намереваясь охватить Журдана с обоих флангов и прижать к Шарлеруа, гарнизон которого уже выбросил белый флаг. В ходе боя авангард Лефевра, занимавший непосредственно селение Флерюс, вступил в ожесточенные схватки с врагом. В самом начале вражеской атаки под Лефевром убили лошадь. Когда дивизия Марса подалась назад, Лефевр поддержал ее тремя батальонами Сульта. По словам Сульта, Лефевр «держался на позиции как скала»¹⁴. Тем не менее, когда к середине дня союзники сумели оттеснить французов, Кобург-Заальфельдский, остановленный резервами Журдана, взятыми из войск, осаждавших Шарлеруа, отдал приказ об отступлении. Вклад Лефевра в победу при Флерюсе Наполеон оценивал очень высоко.

Значение сражения при Флерюсе было огромно: австрийцы отказались от вторжения во Францию, остали Бельгию и отступили в Германию, окончательно потеряв контроль над Бельгией и Голландией. Победоносная армия Журдана 10 июля взяла Брюссель, соединившись с Северной армией, занявшей 24 июля Антверпен; австрийские Нидерланды снова оказались во власти французов.

В период с 1795 по 1799 г. Лефевр командовал авангардом в Рейнско-Мозельской и Самбр-Маасской армиях. В Самбр-Маасской армии отличился как помощник Журдана, в частности, в сражении при Альтенкирхене (4 июня 1796 г.). Позиция австрийцев была сильная, но опять растянутая. Лефевр захватил важную высоту у этого селения, обратив австрийцев в беспорядок. В тот день он захватил 4 знамени, 12 пушек и 3 тыс. пленных. По слухам этой

победы Лефевр получил специальное письмо от военного министра с поздравлениями. О Лефевре Журдан сообщал в Париж: «Этот офицер умено сочетает беспримерную храбрость с талантами командира авангарда, умело исполняющего все маневры. Неустанно поддерживая в своих войсках дисциплину, он своевременно обеспечивает их всем необходимым, не забывая демонстрировать убеждения доброго республиканца»¹⁵.

В октябре того же года, по занятии Кельна, Лефевр отправился на спектакль, данный в честь нового главнокомандующего Германской армии Ожеро, — в местном театре ставили трагедию Вольтера «Брут, или Смерть Цезаря». Генерал Ж.-Э.-Ж.-А. Макдоналд свидетельствовал, возможно, несколько преувеличивая: «Совершенно не разбирающийся в литературе Лефевр аплодировал от всего сердца большими рутищами, полагая, что это очень уместно. Будучи уверененным, что пьесу написали совсем недавно, он, беспрестанно толкая меня локтем, постоянно вопрошал меня: “Скажи, кто это за мужик, сочинивший все это? Он здесь?”»¹⁶.

Полагая, что после подписания Леобенского договора и Кампо-Форнийского мира 1797 г. наконец-то наступил окончательный мир, Лефевр решил уволиться из армии и написал Директории письмо, в котором просил пенсию для себя и награды достойным офицерам. Последним в списке для награждений Лефевр отметил своего брата Дениса Лефевра. В конце 1798 г. Лефевр обратился к военному министру с просьбой возглавить Гвардию Директории, но просьба была отклонена. Тем временем борьба против европейских монархий продолжалась.

В 1799 г. в Европе снова началась война против Франции, теперь Второй коалиции. Кампанию 1799 г. Лефевр начал в составе Дунайской армии под командованием Журдана. В марте 1799 г. последний вторгся в Германию, действуя против австрийских войск эрцгерцога Карла, но неудачно: в сражениях на реке Острах и при одноименном селении (21 марта) и Штокахе (25 марта) он потерпел поражения. Под конец сражения при Острахе Лефевр получил ранение в левую руку и, потеряв много крови, не смог больше руководить боем. Вместо него дивизию временно возглавил бригадный генерал Сульт. Ранение оказалось настолько тяжелым, что Лефевр лечил его несколько лет.

После Остраха война для Лефевра закончилась, и он вернулся во Францию на лечение. По возвращению Лефевр проявил личное участие в облечении положения русских военнопленных, которых он встретил в изношенных и потрепанных мундирах, уставших, полуголодных. Лефевр немедленно написал военному министру о необходимости оставить пленных в близлежащем городке, пока они не восстановят силы, получив от министра согласие. В этом проявилась характерная черта Лефевра, благодаря чему он пользовался большой популярностью в войсках, — сострадательность. Александр I не забыл об отношении к пленным соотечественникам и в апреле 1814 г. очень тепло принял Лефевра, уже маршала и герцога Данцигского, в Париже. В 1807 г., при осаде Данцига, маршал Лефевр не меньше заботился и о раненых пруссаках, удостоившись признательности начальника гарнизона.

По возвращению во Францию Лефевр заехал в Руффах к матери, где местные власти устроили земляку-генералу торжественную встречу. Он явно стремился на покой, поскольку провел около 7 лет на передовой, с августа 1792 по март 1799 года. Затем Лефевр отправился залечивать ранение в Париж, где получил от Директории специальную грамоту с похвалой и почетную саблю. Одновременно произошло не менее важное событие в жизни Лефевра: его втянули в политику.

От одного из пяти директоров, руководителей Директории, Лефевр получил предложение войти в ее состав. Этим директором был П.-Ф.-Ж.-Н. Бар-

рас. 11 мая 1799 г. Совет пятисот, нижняя палата Директории, выдвинул кандидатуру Лефевра. По одной версии, Лефевр сам отказался от должности под давлением супруги: «Необходимо им ответить “нет”. Ты что, хочешь оказаться там?.. Они, наверное, все сошли с ума, если хотят сделать королем такого дурака, как ты»¹⁷. По другой версии, Лефевра остановило только несогласие верхней палаты, Совета старейшин. Так или иначе, но герою Флерюса не удалось стать директором.

Неудача на политическом поприще была восполнена на военном: с подачи Барраса 13 августа 1799 г. Лефевра назначили командующим 17-го военно-го округа, штаб-квартира которого располагалась в Париже. На посту коман-дующего Лефевр сразу приступил к наведению порядка и строгой дисциплины. Так, за 4-дневную няньку на службу Лефевр арестовал даже генерала¹⁸.

Накануне 18 брюмера Бонапарт встретился с Лефевром, — главе загово-ра настоятельно требовалась лояльность Лефевра, во-первых, как командающе-го округом, то есть парижским гарнизоном, включая Гвардию Директо-рии; во-вторых, Лефевр интересовал Бонапарта как отважный республика-нец, обладавший в войсках большим авторитетом. Скорее всего, это была первая встреча будущего императора и будущего маршала. Насколько Ле-февр был готов следовать за Директорией до конца, не ясно до сих пор, но Бонапарт достаточно легко завоевал Лефевра в самый канун акции, сыграв почти театральную сцену, которую невозможно не привести. Накануне заго-вора Наполеон пригласил к себе для поддержки группу офицеров и генера-лов; одним из первых явился Лефевр. Во время приема (или даже ужина) Бонапарт задал вопрос командающему: «Вы, Лефевр, столп Франции, хоти-те, чтобы Республика ушла в руки адвокатов? Только в союзе со мной вы можете спасти Республику!». Затем Бонапарт снял с себя саблю: «Возьмите саблю, которую я носил в сражении при Пирамидах! Я дарю ее вам как залог моего уважения и доверия». Бонапарт не ошибся. Лефевр, со слезами на глазах, поцеловав саблю, воскликнул: «Долой адвокатов!». По версии Барраса, 14 брюмера (5 ноября) Бонапарт при встрече с командающим поинтерес-овался: «Что ты будешь делать в случае перемен в правительстве?». Лефевр ответил вопросом на вопрос: «А что думает по этому поводу Баррас?». Бона-парт ответил: «Он с нами»¹⁹. В любом случае, либо как поборник порядка, олицетворение которого Лефевр увидел в Бонапарте, либо в отместку за то, что Совет старейшин отказался голосовать за него полгода назад, но Лефевр перешел в стан заговорщиков, сыграв значимую роль в заговоре 18—19 брю-мера VIII года Республики (9—10 ноября 1799 г.).

18 брюмера трое (из пяти) директоров, не находившихся в заговоре, приказали Лефевру вмешаться и арестовать Бонапарта, но тот заявил, что подчиняется декрету Совета старейшин, принятого немногим ранее, в силу которого Бонапарту предоставлялось право принять все меры, необходимые для безопасности республики, и в силу которого Бонапарту подчинялись все войска в Париже и вокруг города, не говоря уже о том, что всем гражданам вменялось в обязанность оказывать Бонапарту помощь при первом его тре-бовании.

На следующий день, 19 брюмера, Франсуа-Жозеф окзал Бонапарту огромные услуги: он лично спас его в роковые мгновения в Сен-Клу, когда тот пытался произнести речь перед Советом пятисот. Депутаты не дали говорить Бонапарту, а его земляк Ж.-А. Арена норовил ударить генерала ножом. Тогда Лефевр скомандовал четырем гренадерам, находившимся в зале: «Спасем на-шего генерала!», — и вместе с находившимися в зале рядом с Бонапартом генералами И. Миоратом и Г.-А. Гарданом вырвал главу заговора из рук разъярен-ных депутатов, пустив в ход кулаки. В официальной газете «Монитор» 20 брюме-

ра говорилось: «Генералы Лефевр, Миорат и Гардан и все находивши-ся рядом с ним военные чины, спас-шие утром генерала и вытащившие его из зала, заслуживают высочай-шей награды». Кроме того, что Ле-февр спас жизнь Бонапарту, командающий округом гарантировал Бонапарту в самый ответственные часы или даже минуты 19 брюме-ра поддержку со стороны войск. Наполеон всю жизнь был благо-дарен Лефевру за его поведение 19 брюмера²⁰.

После восшествия на верх власти Бонапарта, с его подачи, 1 апреля Лефевр стал сенатором, назначавшимся пожизненно. 5 сен-тября 1803 г. Сенат учредил дол-жности двух преторов Сената, которыми стали Лефевр и Ж.-М.-Ф. Се-рюре. Преторы занимались охраной Сената, охраной и содержанием Люксембургского дворца, в котором с 1799 г. проходили заседания Сената, и его окрестностей, а также были ответственны за церемониал. Лефевр ос-тавался претором до конца существования Первой империи.

Люксембургский дворец находился в плачевном состоянии, ибо в 1793—1795 гг. он был обыкновенной тюрьмой. Лефевр рьяно взялся за работы по облагораживанию здания и окрестностей, чтобы все выглядело достойно. Когда при работах на крыше дворца погибло двое рабочих и двое получили ране-ния, маршал выделил вдовам специальные пособия и компенсации раненым. Кроме того, сенатор Лефевр лично посетил раненых, справляясь об их здо-ровье. В этом был весь Лефевр — тот Лефевр, который в октябре 1794 г. помогал жителям Адельхофена, наиболее пострадавшим от только что завер-шившегося сражения.

Насколько Лефевр был ярым республиканцем, неизвестно, но когда 1 мая 1802 г. Сенат решил сделать должность Первого консула пожизненной, мар-шал был одним из первых, сообщивший Бонапарту эту заранее известную последнему новость. Вряд ли завзятый республиканец Ж. Ланн был способен на данный поступок. Когда во время Прусской кампании 1806 г. Лефевр прибыл в один «освобожденный» французами город Франконии, маршал обратился к жителям с характерной речью: «Мы пришли, чтобы принести вам свободу и равенство, но не забывайте себе голову этим: потому что перво-го, кто пошевелится без моего разрешения, расстреляют на месте»²¹.

2 октября 1803 г. Лефевр получил первый орден: крест шевалье ордена Почетного легиона. Впоследствии Лефевр неоднократно получал ордена. Менее чем через год, 14 июня 1804 г. он стал кавалером Большого офицер-ского креста ордена Почетного легиона; 2 февраля 1805 г. — Большого кре-ста того же ордена; 24 августа 1805 г. — Большого креста ордена Карла III (Испания); 26 сентября 1809 г. — Военного ордена Св. Генриха (Саксония); в 1814 г. — креста шевалье ордена Св. Людовика; 8 мая 1818 г. — креста шевалье ордена Железной короны (Австрия), Большого креста Военного ор-дена баварского Максимилиана-Иосифа (23 октября 1810 г.).

В числе очередных благодеяний от Наполеона, 19 мая 1804 г. 48-летний дивизионный генерал Лефевр получил высший титул только что нарождав-

шегося нового государства: маршала Первой империи. Точнее, он стал одним из четырех почетных маршалов, — особой категории маршалов империи, созданной для генералов-сенаторов в качестве высшей награды за прошлую службу. Среди почетных маршалов Лефевр станет единственным, кто примет активное участие в военных предприятиях Наполеона.

Пока новоиспеченные маршалы ждали славного будущего, Наполеон предоставил им возможность завоевать в обществе почет и уважение. Так, на посвящении Наполеона в императоры 2 декабря 1804 г. они составили Бонапарту кортеж военной славы. Лефевру Наполеон поручил нести меч Карла Великого, Келлерману — корону; оба запечатлены в знаменитом полотне Ж.-Л. Давида «Посвящение Наполеона I в императора и коронование императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1804 года».

Заключив мирные договоры с Австрией и Россией, Наполеон лишил Англию ее главных континентальных союзников, и Лондон был вынужден пойти на мировую с Парижем — в марте 1802 г. был подписан Амьенский мирный договор на условиях формально компромиссных, но фактически выигрышных для Франции.

В начавшейся в 1805 г. войне Лефевр не принял активного участия: он возглавил в 12 «пограничных» департаментах части Национальной гвардии, занимавшейся обеспечением общественного порядка внутри городов, безопасностью границ и побережья. После Аустерлица Наполеон засвидетельствовал свое удовлетворение Лефевру и отправил его командовать союзными войсками, размещенными в Верхней Баварии.

Однако менее через год Европа сформировала новую, Четвертую коалицию, и началась очередная война против Франции, уже наполеоновской. Прусскую кампанию 1806 г. Лефевр встретил в качестве назначенного 4 сентября 1806 г. командиром 5-го армейского корпуса, но с 5 октября возглавил пехоту Императорской гвардии. Командующим гвардейской пехотой Лефевр принял участие в сражении при Йене (14 октября), в котором, правда, простоял в резерве: в 5-м бюллетене (15 октября), посвященном сражению, Лефевр упоминался один раз. В сражении отличился сын маршала первый лейтенант Лефевр, получив пулю в медвежью шапку. Впоследствии Лефевр-младший отличился и при осаде Данцига в качестве капитана и адъютанта отца, когда при отражении вылазки гарнизона 28 апреля бросился в атаку во главе одного отряда, оставшегося без офицеров, получив свой первый орден, — орден Почетного легиона²².

Именно к Прусской кампании относится известный анекдот, свидетельствовавший о мудрой снисходительности маршала. Так, 11 октября 1806 г., один солдат вместе с друзьями, изнывая от невероятного голода, около одного саксонского городка поймали и убили свинью. Они только приступили к разделке туши во дворе, как внезапно перед ними оказался Лефевр в сопровождении начальника штаба генерала Ф.-К. Русселя: «Ледяной холод и невероятный ужас обуял наши сердца, и ножи выпали из наших рук. Бежать было некуда: вошедшие загораживали нам проход со двора, и мы уже видели себя расстрелянными, как вдруг и Лефевр, и Руссель, наполовину в гневе, наполовину смеясь, обратились к нам: “Бегите быстрей в лагерь, проклятые грабители! Но не забудьте захватить свою кражу, да не забудьте обойти патрули!” Мы в точности последовали мудрому совету, не упустив ни единого пункта напутствия²³. Okajcись на месте Лефевра «железный маршал» Ж.-Н. Даву, карьера и жизнь солдат могли закончиться очень быстро.

Лефевр, как и другие маршалы, никогда не жаловал трусов, но снисходительно относился к рекрутам, еще не успевшим приобрести боевой опыт. В сражении при Бородино он встретил группу из нескольких конскриптов,

покинувших строй под предлогом отвести в тыл легкораненого товарища. При виде сего зрелища командир Старой гвардии от злости сделался красивым как рак: «Что эта за проклятущая чертова родня, которая несет этого Мальбрука?! А ну-ка, живо в строй, канальи!» Несколько хороших и крепких ругательств придали храбрости молодым «храбрецам». Даже раненый встал на ноги и без посторонней помощи отправился в лазарет²⁴.

После сражения у Прёйсиш-Эйлау (7–8 февраля 1807 г.) Наполеон решил воспользоваться паузой в боевых действиях и поручил Лефевру взять Данциг, — одну из самых мощных прусских крепостей. Помимо стратегического положения, для французов он был также интересен запасами, необходимыми для проведения дальнейшей кампании. Город обороняли 370 офицеров и 15 287 солдат, в том числе три русских гарнизонных батальона и три казачьих полка под командованием генерала А.Г. Щербатова, во главе с прусским генералом Ф.-А. Калькройтом при 300 пушках полевой и осадной артиллерии²⁵.

4 марта 1807 г. Наполеон написал Лефевру: «Ваша задача — захватить Данциг, и помните: ваша слава напрямую зависит от взятия города»²⁶. Английский военный историк Д. Чандлер был прав, объясняя причины назначения Лефевра, ни разу не участвовавшего в боях Первой империи, политикой. Мотивы, побудившие Наполеона, давно задумавшего создание новой знати, сделать первым герцогом Первой империи именно Лефевра, лежали в его республиканской славе и его простонародном происхождении. Для оправдания невиданного возвышения Лефевру следовало дать шанс завоевать новые военные лавры, и взятие Данцига казалось Наполеону идеальным подвигом для Лефевра²⁷. Следует добавить, что Наполеон был уверен в полной неспособности гарнизона к сопротивлению, представляя себе взятие военной прогулкой, откуда и появилась впоследствии раздражительность вялостью Лефевра. По мере затягивания осады императору пришлось осуществлять постоянный контроль за действиями маршала.

Для осады Данцига Наполеон выделил 10-й армейский корпус, в котором к 1 апреля 1807 г. насчитывалось 24 105 человек и около сотни пушек²⁸. Под начало Лефевра Наполеон отдал самых лучших генералов, профессионалов своего дела: в инженерном деле — Ф.-Ш.-Л. Шасслу-Лоба, в артиллерию — Ж.-А. Бастон де Ларибуазье.

Осада началась 19 марта, но шла медленно. Наполеон был недоволен. 29 марта он отправил под Данциг генерала А.-Ж.-М.-Р. Савари со специальной миссией: во-первых, дать ему отчет о «реальном состоянии дел», во-вторых, «воодушевить впавшего в уныние и потерявшего голову беднягу Лефевра». Наполеон рекомендовал Савари: «Поскольку для осады у меня нет других войск, Лефевру следует хорошо обращаться с войсками, поддерживать их боевой дух, особенно у поляков, коих не требуется раздражать шутовскими выходками и ненужным сарказмом». Самому Лефевру в тот же час и в тот же день Наполеон весьма резко заметил: «У вас более чем достаточно войск как для полной блокады Данцига, так и для более решительных действий... Воодушевите их...»²⁹.

13 апреля гарнизон произвел крупную вылазку, в отражении которой Лефевру пришлось принять личное участие. 51-летний маршал приказал бить сигнал «в атаку!» и крикнул солдатам: «Рысью, марш!», затем: «Галопом!», спустя мгновение: «В карьер, марш!» Одним броском войска вернули редут, но шедший вместе с французами саксонский батальон, двигавшийся намного медленнее, понес большие потери. Вечером того же дня один гренадер сказал на биваке: «Маршал смелый человек, но он принимает нас за лошадей», на что тот тут же воскликнул: «Именно так! Нужно быть храбрыми, как

люди, и быстрыми, как лошади. Посмотрите на мужественных саксонцев, как они бесстрашно бросились в атаку! Но их офицеры старые и меллительные кретины, разучившиеся быстро передвигаться по полю боя. Поэтому их потери в три раза больше наших»³⁰. Подобные фразы Лефевра вызывали, наряду с его невиданным самопожертвованием, неподдельное восхищение солдат маршалом. Наполеон прекрасно знал о подвигах Лефевра и не случайно во время осады Данцига записал в 71-м бюллетене Великой армии (от 19 апреля 1807): «Маршал Лефевр сражается с пылом юноши». Вместе с тем Наполеон лично сообщил маршалу: «Грудь ваших гренадер, которых вы бросаете повсюду в бой, не опрокинут стены Данцига. Пусть ваши инженеры делают свое дело...»³¹.

Тем не менее осада затягивалась, и Лефевр неоднократно просил подкрепления у Наполеона, отправившего вскоре под Данциг дивизии Ланна и Мортье. Ситуация для Лефевра резко осложнилась, когда 11 мая в 5 км от города высадился 8-тыс. русско-прусский отряд во главе с генералом Н.М. Каменским. При одновременной атаке гарнизона и деблокировавших войск Лефевр мог оказаться в роли окруженногого. К счастью для Лефевра, во-первых, Каменский атаковал только через четыре дня; во-вторых, Калькройт проявил странную пассивность, не подкрепив атаки Каменского; в-третьих, 12 мая к Лефевру прибыл Ланн с войсками, включая гренадер Удино. Несмотря на упорство боев 15 мая, все попытки Каменского помочь Данцигу окончились ничем. 21 мая к Лефевру подошли части корпуса Мортье, и в итоге под Данцигом Наполеон сосредоточил 20—25 тыс. человек.

Положение Калькройта складывалось критическое: пороху оставалось на 6 дней активной обороны, увеличивалось дезертирство, особенно среди поляков из Пруссии. Лефевр приготовился к генеральному штурму. Учитывая сложившиеся обстоятельства, Калькройт 24 мая ответил согласием на предложение Лефевра о капитуляции. 27 мая Лефевр совершил торжественный въезд в крепость³². 10 сентября 1807 г. Наполеон присвоил маршалу титул герцога Данцигского, первого герцога во всей военной элите.

Спустя год после взятия Данцига Лефевр лишний раз продемонстрировал отсутствие политической интуиции. На торжественной церемонии 26 мая 1808 г. по перезахоронению сердца маршала Франции и военного инженера С. Лепретра де Вобана (1633—1707) в Дом инвалидов Лефевр, уполномоченный возложить лавовый венок на сосуд с сердцем, произнес речь, где, в частности, заявил: «Поклянемся на сердце Вобана в верности нашему императору и его династии», вызвавшую замешательство у организатора церемонии военного министра генерала А.-Ж.-Г. Кларка и других официальных лиц. Во-первых, речь как будто шла о необходимости повторения новой клятвы верности императору; во-вторых, слова Лефевра о клятве императору звучали странно над сердцем маршала, служившего Людовику XIV, то есть представителю Старого порядка, уничтоженного Революцией 1789 года. Тем не менее, Наполеон никак не отреагировал на своевременно доведенные до него протесты Кларка. Вероятно, Наполеон даже не захотел участвовать в обсуждении абсурдного заявления герцога Данцигского, будучи полностью уверенным в верности ему маршала. Наверное, не случайно после 1 сентября 1809 г. Лефевра выбрали Великим Мастером масонской ложи «Ордена Христа», проповедовавшей полную преданность императору³³.

После завершения кампании 1807 г. и подписания Тильзитского мира осенью 1808 г. Наполеону потребовалось лично вмешаться в дела французов на Пиренейском полуострове. Поэтому для борьбы против испанцев и англичан с осени 1808 г. Наполеон начал перебрасывать новые войска к франко-испанской границе, в том числе 4-й корпус Лефевра. В Испании Лефевру,

в отличие от некоторых маршалов, придется повоевать не очень долго, менее четырех месяцев: с октября 1808 г. до января 1809 года. За этот период Лефевр успел дать испанским войскам несколько бояв и сражений. При этом в течение недолгих боевых действий он успел наделать тактических ошибок: в сражении при Дуранго (31 октября), вместо производства диверсии маршал бросился вперед, благодаря чему испанцы, занявшие выгодные оборонительные позиции, смогли уйти не только от него, но и от Наполеона, намеревавшегося ударить им в тыл. В другом случае, вместо защиты Мадрида вместе с Виктором, герцогом Данцигским по собственной инициативе ринулся на Саламанку в надежде на окружение английских войск, которых там уже не было³⁴.

В начале 1809 г. Наполеон узнал о начале новой войны с Австрией и срочно выехал из Испании во Францию, оттуда — на новый театр военных действий. С собой он взял нескольких военачальников, в том числе Лефевра, которому доверил 7-й (баварский) армейский корпус в 30 тыс. человек. Во главе корпуса Лефевр принял участие в главных событиях апреля 1809 г., в том числе 20 апреля, в Абенсбергском сражении, где Наполеон вырвал стратегическую инициативу у эрцгерцога Карла и расколол его войска на две части. В один из моментов боя баварцы Лефевра под ударом австрийских улан смешались и стали отступать. Маршал спас ситуацию: с обнаженной саблей он верхом ворвался в середину строя баварцев и крикнул по-немецки: «Ни шагу назад, ребята! Император смотрит на вас!» Порядок был быстро восстановлен, и уланы отступили³⁵.

Тем временем, с апреля 1809 г. в Тироле разгорелось антифранцузское восстание под руководством Андреаса Хофера. Наполеон, явно недооценивая решимость тирольцев, действовавших в привычных условиях горного театра военных действий, отправил против них в середине мая 1809 г. Лефевра, при котором продолжал службу его сын, эскадронный командир (шэф эскадрона) Лефевр, две баварские дивизии. 19 мая Лефевр занял Инсбрук, столицу Тироля и центр восстания. Однако Хофер продолжал оказывать упорное сопротивление и нанес несколько поражений отдельным частям Лефевра, заставив маршала оставить Инсбрук. В июле, после заключения Наполеоном с австрийцами перемирия в Цнайме, началась новая кампания герцога Данцигского против Хофера. Во главе 20-тыс. корпуса Лефевр 30 июля снова занял Инсбрук. 5 августа он выступил к Штерзингу. Почти сразу же Лефевр потерпел ряд мелких поражений от тирольцев и снова был вынужден отступать к Инсбруку. 13 августа состоялось 3-е сражение при Бергизель, под Инсбруком, одно из самых значительных в Тирольской кампании 1809 г. (иногда его называют сражением при Штайнахе). Усилившемуся Лефевру до 20 тыс. чел. противостояло 15 тыс. тирольцев с Хофером. В ходе сражения, длившегося в течение всего дня, Лефевр понес небольшие потери (350 чел.), но опасаясь окружения в горах, спешно отступил в Инсбрук, а затем практически ушел из Тироля. 14 августа Хофер занял Инсбрук. Недовольству Наполеона в адрес Лефевра, неспособного справиться с «крестьянскими бандами» не было границ³⁶.

В составе Великой армии в 1812 г. Лефевр командующим Старой гвардии пересек Неман и вошел в Россию, но не участвовал в боях. Скорее всего, он чаще требовался Наполеону как символ преемственности воинской славы эпохи Революции и Первой империи, ибо перед Русской кампанией Наполеон советовался с Бертье о целесообразности привлечения в поход герцога Данцигского. Одним из первых 14 сентября Лефевр вошел в Москву, где безуспешно пытался навести дисциплину среди солдат Старой гвардии, грабивших город³⁷. Нескольких мародеров среди гвардейцев Лефевр для острастки отправил в армию, откровенных грабителей — расстрелял.

Во время отступления из России герцог Данцигский показал себя настоящим отцом и другом солдат. Вместе с ними он покрывал сотни километров по бескрайним снежным равнинам. Обращаясь к отставшим и изнуренным солдатам, валившимся с ног от усталости, он заставлял их сгруппироваться, дабы лучше сопротивляться усталости и холода. Однако «папашу Лефевра», чём ближе к Неману, уже никто не слушался. Когда в Вильно, посредине улиц, забитых зарядными ящиками, повозками, передками, фурами, Лефевр с белой от снега бородой и маршальским жезлом в руке пытался приободрить гвардейцев, в ответ один егерь прошел сквозь зубы: «Заткнись, старая скотина! Если нам и суждено подохнуть, то рано или поздно мы все отправимся на парад к Всевышнему!»³⁸.

28 декабря 1812 г. полностью обессиленный Лефевр, едва способный стоять на ногах почти в буквальном смысле этого слова, не зная о судьбе сына, обратился с донесением к Бертье за разрешением императора вернуться ему в Париж. Не получив ответа, Лефевр повторил свою просьбу 4 января, после чего получил согласие, оставив командование на генерала Ф. Роге. 57-летний маршал, полностью деморализованный и уставший, уехал лежаться в свои земли в Комбо. Он был настолько слаб, что кампания 1813 г. прошла без его участия.

В следующем году началась новая кампания, на территории Франции. 25 января 1814 г. Наполеон выехал в армию; 26 января, по его приказу, Лефевр выехал в Шалон, в императорскую штаб-квартиру. Во время кампании Лефевр, невзирая на свои 58 лет, предоставил Наполеону новые доказательства храбрости и мужества. Например, при Шампобере (10 февраля), где под ним убили лошадь, при Монмийайле (11 февраля), при Монтро-фот-Йонна (18 февраля). Так, в сражении при Монмийайле Лефевр возглавил атаку двух батальонов Старой гвардии. При Монтро Лефевр по приказу Наполеона, для поддержания атаки кавалерийской бригады генерала Ж.-А.-А. Делора по сохранению двух важных мостов, лично возглавил три дежурных эскадрона императорского конвоя с группой штабных офицеров. Капрал-гвардеец Ж.-Р. Куанье вспоминал о маршале в тот день: «Он так яростно сражался, что пена выступала у него на губах»³⁹.

Лефевр сражался как закаленный в боях солдат и давал императору неоднократные доказательства самоотверженности, но маршал явно не верил в благоприятный исход Франции и императора. Совершая подвиги на его глазах, в душе, вместе с другими маршалами, Лефевр был убежден в бесмысленности сопротивления. После того, как переговоры в Шантайли между представителем Наполеона герцогом Виченцким А.-О.-Л. де Коленкуром и представителями союзников 8 февраля оказались прерванными, дипломат Наполеона М.-И. Рюмини вспоминал о событиях 9 февраля: «В течение всего дня я едва успевал отвечать на жалобы маршалов и генералов, видевших спасение Франции только в случае успеха герцога Виченцкого (то есть в подписании скорейшего мира. — М.Ч.). Герцог Тревизский (Макдональд. — М.Ч.), герцог Данцигский, генералы Груши и Флао, не говоря о других, умоляли меня категорически довести до сведения герцога Виченцкого о склонности необходимости заключения мира любой ценой». Еще до подписания отречения «папаша Лефевр» доставил себе удовольствие, бросив фразу: «Этот мужик (император. — М.Ч.) не успокоится, пока всех нас не перебьют до последнего»⁴⁰.

Вместе с группой маршалов Лефевр оказался с Наполеоном в Фонтеинбло в первые дни апреля 1814 г. и принял участие в заговоре маршалов, решивших открыть глаза побежденному императору и заставить его прекратить борьбу и отречься от престола. Хотя Лефевр вместе с Неем, Удино и

Монсеем и Макдональдом 4 апреля уговаривал Наполеона подписать отречение, он, в отличие от Нея, явно играл второстепенную роль. По версии французского историка П. Гийона, когда 28—29 марта 1814 г. Лефевр настойчиво предложили участвовать в заговоре, чтобы заставить Наполеона отречься, герцог Данцигский ответил отказом, якобы рассказав все императору, что мало соответствует логике событий⁴¹.

В коридорах Фонтенблосского дворца вышедших от Наполеона маршалов окружили придворные и начали расспрашивать. Лефевр, приукрашивая действительность, рассказал о собственных «подвигах»: «Я его здорово прижал вместе с Неем, — уверял герцог Данцигский, — я сказал, что теперь настало время для отдыха... Верит ли он, что, имея титулы, особняки, земли, мы сможем позволить себе сражаться ради него? Его ошибка состоит в том, что он давно уже снял солдатские ранцы с наших спин»⁴². После подписания 6 апреля Наполеоном отречения Лефевр, 4 апреля убеждавший Наполеона в том, что «лучше смерть, чем снова жить под игом тирании королей», обратился к Наполеону: «Никогда, — уверял маршал, — вы не были столь велики! Никогда за свою жизнь!..»⁴³.

В тот же день, 6 апреля, Лефевр настаивал в Сенате на трех пунктах: для недопущения рассредоточения французских войск как можно быстрее определить гарнизоны, в которых они должны были разместиться; удалить Наполеона с семьей, поселив их в специально предназначеннной для них колонии; оставить кокарду-триколор (кокарда во Франции играла роль особого национального символа) только для армии⁴⁴. В итоге победители согласились только на второй пункт. 30 апреля маршал вошел в сформированную Сенатом комиссию для тожественной встречи короля.

В 1-ю Реставрацию для маршалов началась обычная, спокойная жизнь, о которой они давным-давно мечтали. 4 июня 1814 г. Лефевр вместе с 15-ю наполеоновскими маршалами вошел в Палату пэров. Однако Лефевр, в отличие от других трех почетных маршалов империи, не получил ни единой должности от Бурбонов. Лефевр и Журдан получили крест шевалье ордена Св. Людовика, в то время как Сульт и Сюше — крест командора этого ордена, перескочив степени шевалье. Причина подобного отношения могла заключаться в некоем неприятии Лефевра Людовиком.

Узнав о высадке Наполеона 1 марта 1815 г. во Франции, Лефевр был потрясен. Вряд ли он хотел снова служить Наполеону, но, видимо, в силу отсутствия политического здравомыслия, либо в силу привычки повиноваться, в период Сто дней перешел на сторону императора. В день прибытия Наполеона в Тюильри 20 марта 1815 г. из всех маршалов только Лефевр с Даву встречали повелителя, которого менее года назад он, герцог Данцигский, с группой маршалов заставил отречься от престола. Именно из этих соображений Лефевр, скорее всего, старался не показываться на глаза Наполеону и ловко затерялся в толпе придворных, в отличие от репрессированного 1-й Реставрацией Даву. 8 августа Лефевр, по словам его биографа, утверждал, что в Сто дней он ни видел Наполеона, ни разговаривал с ним⁴⁵.

Намереваясь возвратить прошлое величие империи, Наполеон 2 июня призвал в Палату пэров 11 маршалов, в том числе и Лефевра. Почти все они уже являлись пэрами Франции при короле и не желали быть признательными императору за эту милость. «Он запихнул меня в Палату пэров несмотря на то, что я могу оказаться скомпрометированным...», — написал герцог Данцигский после получения титула одному из друзей⁴⁶. Тем не менее ни один из маршалов не отказался от предложения.

Активной роли в Сто днях маршал не играл и находился все время в Париже. Несмотря на неприятие к Наполеону, при приближении врага к

столице в сердце Лефевра проснулся былой патриотизм времен Революции. Но, убедившись в бессмыслиности сопротивления, Лефевр быстро перешел в стан победителя и присутствовал в последний раз как претор на заседании Сената 7 июля 1815 г., на следующий день после входа союзников в Париж.

Вторая Реставрация наказала Лефевра, как и других присоединившихся к Наполеону маршалов. 26 июля 1815 г. герцог Данцигский лишился чинов и должностей, в частности, титула пэра Франции. Впрочем, королевские репрессии не продолжались в течение продолжительного времени: сначала Лефевру 11 марта 1817 г. вернули маршальскую пенсию, затем, 6 марта 1819 г.; вместе с шестью другими маршалами Людовик XVIII восстановил Лефевра, сына простого буржуа, в звании пэра.

Полководческие достижения Лефевра к закату его карьеры были чрезвычайно скромными. В активе Лефевра находились: с трудом доведенная до логического завершения осада Данцига, неуверенные победы над испанцами, неспособность борьбы против тирольцев. Весьма нелестную характеристику дала герцогу Данцигскому русская разведка накануне Отечественной войны 1812 г.: «Лефевр... будучи глубоко невежественным человеком, имеет за собою только большой опыт, много мужества и неустрашимости. Неспособный действовать самостоятельно, он может, однако, успешно выполнять те операции, которые ему будут указаны. Маршалу Лефевру от 55 до 60 лет, он еще очень свеж и очень крепкого здоровья». Для сравнения нельзя не привести характеристику Наполеона Лефевру, данную на о. Св. Елена: «Он отважный и храбрый человек, но который совершенно не интересуется тем, что происходит справа и слева от него, так как он думал только о том, чтобы сражаться и побеждать! Он не боялся умереть, и сие было прекрасно! Но иногда таким людям, оказавшимся в окружении и в смертельной опасности, ничего не остается, кроме капитуляции, после чего они остаются навсегда трусами»⁴⁷.

После восстановления в Палате пэров маршала, хотя и редко, снова видели при дворе. Когда генерал П.-Ш.-Ф.-А.-Л.-Д. Тьебо спросил у мадам Лефевр о причинах их частого отсутствия при дворе, герцогиня ответила очень точно: «Я ходила туда, когда это было у нас (здесь и далее курсив мой. — М.Ч.). Теперь, когда это у них, я там больше не покажусь»⁴⁸. Последние годы жизни Лефевр проводил между замком Комбо и особняком на улице Жубер, дом 29, в Париже (сегодня 9-й округ Парижа). Лефевр имел в Париже и другой особняк, дворец Монморанси, на улице Шерш-Миди, дом 89, купленный им в 1808 году. Но здесь Лефевры не жили, и в 1821 г. вдова продала его. Сегодня в этом особняке располагается посольство Республики Мали.

С годами здоровье Лефевра ухудшалось: с мая 1818 г. он страдал ревматизмом, с весны 1820 г. — грудной водянкой (гидроторакс). Предчувствуя скорую кончину, маршал показался буквально за несколько дней до смерти на кладбище Пер-Лашез, где завещал друзьям Сюше и Мортье похоронить себя рядом с Массена, Периньоном и Серюрье. Хотя в течение последних пятнадцати лет маршала называли «папашей Лефевр», в момент кончины герцогу Данцигскому было только 64 года. Он ушел, как говорили тогда, «на парад к Всевышнему» в принадлежавшем ему особняке на улице Жубер в 16 час 30 мин 14 сентября 1820 года. На похоронах Лефевра присутствовали его друзья: Мортье, Удино и Сюше. Кончина герцога Данцигского не оставила бездушными многих: вдова получала в течение длительного времени письменные соболезнования.

В память о Лефевре его безутешная супруга воздвигла в 1823 г. памятник на его могиле на Пер-Лашез. На памятнике высечены самые яркие его победы: Флерюс, Альтенкирхен, Данциг, Монмираль. Имя Лефевра выгравировано на северной стороне парижской Триумфальной арки. На центральной

площади Руффаха находится бюст маршала, а в нише парижского Лувра, со стороны улицы Риволи, — статуя. При расширении границ Парижа, начиная с 1860-х гг. городские власти создали Маршальные бульвары (*boulevards des Maréchaux*), носящие имена 22 выдающихся военных деятелей Франции, из которых 19 наполеоновских маршалов, в том числе бульвар Лефевра.

После смерти герцога Данцигского мадам Лефевр проживала в Комбо, занимаясь благотворительностью. Она была под стать покойному мужу и никогда не зазнавалась. Одной из придворных дам она сказала: «Я могу забыть, что я герцогиня, но никогда не забуду, что я супруга Лефевра»⁴⁹. Мадам Лефевр угасла 28 декабря 1835 г. в возрасте 82 лет, в том же особняке на улице Жубер.

Возможно, как никакая другая семья из наполеоновских маршалов, жизнь и яркий образ Лефевра и его супруги вдохновили нескольких кинорежиссеров. О них было снято несколько телекартин, начиная с 1900 года. Самым известным фильмом считается фильм «Мадам Бесцеремонность» (Франция, 1961) французского режиссера Кристиан-Жак (1904—1994). Вместе с тем, поскольку сюжет соответствует пьесе Сарду и Моро, фильм мало отвечает исторической действительности и не является шедевром. В 2001 г. не менее знаменитый французский режиссер Ф. де Брок (1933—2004) снял фильм с одноименным названием.

Маршала Первой империи Франсуа-Жозефа Лефевра, герцога Данцигского никогда не относили к разряду выдающихся полководцев. Да и сам Лефевр, гордившийся принадлежностью к знати Первой империи, никогда не считал себя великим полководцем. Не случайно военный историк Г. Дельбрюк сказал о Лефевре (как и о будущих маршалах Наполеона Журдане и Ланне): в лучшем случае остался быunter-officerом королевской армии⁵⁰. В силу отсутствия политического чутья позиция Лефевра менялась с изменением политической ситуации, — впрочем, как и у многих других наполеоновских маршалов. Вместе с тем Лефевр должен оставаться в истории как один из наполеоновских маршалов, в отличие от Массена и Сульта, не гнавшимся за славой и деньгами, в отличие от Л. Гувиона Сен-Сира, пользовавшегося огромным авторитетом среди солдат, до конца дней помнившего о своих простонародных корнях, и в отличие от «короля Мармона», бывшего простым в общении и неприхотливым в быту, не чуждым гуманизма и человечности.

Примечания

1. ВОЕНСКИЙ К.А. Наполеон и его маршалы в 1812 г. М. 1912, с. 18—23; ТРОИЦКИЙ Н.А. Маршалы Наполеона. — Новая и новейшая история, 1993, № 5, с. 168; КУРИЕВ М.М. Маршалы Наполеона: групповой портрет. — Very Important Person. 1991, № 1, с. 60—63; ШИКАНОВ В.Н. Созвездие Наполеона. М. 1999; WIRTH J. Maréchal Lefebvre, duc de Dantsig (1755—1820). Р., 1904.
2. Ibidem, p. 1—5; CHARDIGNY L. Les Maréchaux de Napoléon. Р. 1977, p. 61—62 (note).
3. VALYNSEELE J. Les Maréchaux de Premier Empire. Р. 1957, p. 216—218.
4. REGENBOGEN L. Napoléon à dit. Р. 1998, p. 370; (NAPOLEON). Correspondance de Napoléon. Р. 1864, t. 15, p. 62.
5. CHASTENAY. Mémoires. Р. 1897. T. 2, p. 129—130.
6. CHARDIGNY L. Op. cit., p. 210.
7. CHARDIGNY L. Op. cit., p. 460; RÉMUSAT de. Op. cit., p. 155 (note).
8. FUSIL L. Souvenirs d'une actrice. Р. 1841. T. 2, p. 335—336.
9. VALYNSEELE J. Op. cit., p. 218. Ср.: WIRTH J. Op. cit., p. 8 (note).
10. WIRTH J. Op. cit., p. 44.
11. HYDE DE NEUVILLE J.-G. Mémoires et souvenirs. Р. 1888. Т. 1, p. 14—15.
12. DUMAS M. Souvenirs. 1770—1836. Р. 1839. Т. 1, p. 501—503.
13. WIRTH J. Op. cit., p. 74.

14. SOULT. Mémoires du maréchal-général Soult, duc de Dalmatie (1792—1800). Р. 1854. Т. 1, р. 163.
15. WIRTH J. Op. cit., p. 103 (note). См. также: ВОЕНСКИЙ К.А. Ук. соч., с. 18.
16. MACDONALD. Souvenirs du maréchal Macdonald, duc de Tarente. Р. 1892, р. 48—49.
17. CHARDIGNY L. Op. cit., p. 208.
18. (BARRAS). Mémoires de Barras. Р. 1896. Т. 3, р. 488; (COIGNET). Les cahiers du capitaine Coignet. Р. 1883, р. 73; DUNN-PATTISON M.A. Napoleon's Marshals. L. S.d., р. 324.
19. Dictionnaire de Napoléon. Р. 1987, р. 1051; ВАНДАЛЬ А. Возышение Бонапарта. СПб. 1905, с. 320; (BARRAS) Op. cit. Р. 1896. Т. 4, р. 55.
20. WIRTH J. Op. cit., p. 131—132. См. также: МАНФРЕД А.З. Наполеон Бонапарт. М. 1971, с. 278.
21. ЧАНДЛЕР Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М. 1999, с. 347.
22. WIRTH J. Op. cit., p. 148; NIBUATNIAS. Siège de Dantzig en 1807. Р. 1818, р. 93—94 (note).
23. BARRÈS M. Souvenirs d'un officier de la Grande Armée. S.d., р. 68. Как правило, авторство этой фразы в литературе целиком относят исключительно к маршалу, хотя, как видно из текста, оно принадлежит в равной мере и Лефевру, и Расселю, которого автор в тексте ошибочно назвал Руссе.
24. BAUSSET. Mémoires. Р. 1827. Т. 2, р. 81. Речь идет о герое знаменитой песенке «Мальбрук в поход собрался» (франц. «Malbrou s'en va-t'en-guerre»), известной, по крайней мере, с 1653 г. По-видимому, сей достойный персонаж — образ собирательный и никогда не существовавший. Принято считать, что Мальбрук был храбрым и отважным рыцарем, крестоносцем, участником одного из Крестовых походов, погибшего на Востоке. Часто его путают с английским генералом Джоном Ч. Мальборо (1650—1722).
25. Из них пехоты: 12 273 чел. при 296 офицерах, кавалерии: 40 офицеров и 1613 солдат; артиллерии: около 2 тыс. чел. — DIGBY S. The Greenhill Napoleonic Wars Data Book. L. 1998, р. 245; МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб. 1846, с. 280. По другим данным, 18 320 чел, из которых 14 тыс. пруссаков и 4 тыс. русских, либо, по данным Л.Л. Беннигсена, 335 офицеров и 12 448 чел., — PIGEARD A. Dictionnaire de la Grande Armée. Р. 2002, р. 650.
26. (NAPOLÉON). Op. cit. Р. 1863. Т. 14, с. 367.
27. ЧАНДЛЕР Д. Ук. соч., с. 347.
28. DIGBY S. Op. cit., p. 245. См. также: ЛЕТТОВ-ФОРБЕК О. фон. История войны 1806 и 1807 гг. Варшава. 1898. Т. 4, с. 176—177.
29. (NAPOLÉON). Op. cit. Р. 1863. Т. 14, р. 565—566. Сам Савари об осаде и своей миссии вообще не упоминает. — SAVARY. Mémoires. Paris. Т. 3. Р. 1828, р. 75—76.
30. ZURLINDEN. Napoléon et ses Maréchaux. Р. 1910. Т. 1, р. 155.
31. (NAPOLÉON). Op. cit. Р. 1864. Т. 15, р. 116; ZURLINDEN. Op. cit., p. 156.
32. ЛЕТТОВ-ФОРБЕК О. фон. История войны 1806 и 1807 гг. Варшава. 1898. Т. 4, с. 212—213; (NAPOLÉON). Correspondance de Napoléon. Р. 1864. Т. 15, с. 259, 263; SAVARY. Op. cit., p. 76.
33. VIGOUREUX C. Le mausolée et la Translation du cœur de Vauban aux Invalides. — Revue du Génie militaire. 1929. Т. LXIV, р. 377—378. Лефевр был масоном с 15 ноября 1803 г. — Dictionnaire de la franc-maçonnerie. Р. 1987, р. 763—764.
34. BOUILLÉ L.-J.-A. de. Souvenirs et fragments pour servir aux Mémoires de ma vie et de mon temps. Р. 1911. Т. 3, р. 169—171, 173; (NAPOLÉON). Op. cit. Р. 1865. Т. 18, р. 35—36, 39; ЛАШУК А. Наполеон. Походы и битвы. 1796—1815. М. 2004, с. 368, 374.
35. ЛАШУК А. Ук. соч., с. 403—404.
36. WILD U. La Bavière et le Tyrol. — Soldats Napoléoniens. 2004, № 2, р. 53; UMHEY A. La constitution militaire et l'organisation des forces de défense tyroliennes. — Ibidem., р. 59—61; PELET. Mémoires sur la guerre de 1809. Р. 1826. Т. 4, р. 358.
37. PIOÑ des LOCHES A.-A.-F. Mes campagnes (1792—1815). Р. 1889, р. 303; CHUQUET A. 1812. La Guerre de Russie. Р. 1912. Сér. 3, р. 360—361.
38. LACHOUQUE H. Napoléon et la Garde Impériale. Р. 1956, р. 434.
39. (COIGNET). Les cahiers du capitaine Coignet. Р. 1883, р. 375.
40. CAULAINCOURT. Mémoires. Р. S.d. Т. 3, р. 24 (note); BOURRIENNE. Mémoires. Р. 1829. Т. 10, р. 67.
41. GUILLON P. Les complots militaires sous le Consulat et l'Empire. Р. 1894, р. 264—265.
42. CHARDIGNY. Op. cit., p. 350. См. также: SERS. Mémoires. Р. 1906, р. 109.
43. DUPONT M. Napoléon et la trahison des maréchaux (1814). Р. 1939, р. 144, 151.
44. WIRTH J. Op. cit., p. 292.
45. Ibidem., p. 293.
46. CHARDIGNY. Op. cit., p. 393.
47. Близорукий маршал. — Родина, 1992, № 6—7, с. 27; REGENBOGEN L. Op. cit., p. 370.
48. THIÉBAULT. Mémoires. Р. 1894. Т. 3, р. 245—246.
49. Mémoires d'une femme..., р. 86.
50. ДЕЛЬБРИОК Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб. 1997. Т. 4, с. 306.